

В прошлой жизни Юнь Мо был настоящим любимцем гарема, и больше всего на свете император Цзинсюань ценил его чистоту и невинность, словно у него на душе была белая бумага. Однако теперь, хотя она и опередила события, она всё равно считала Юнь Мо главной угрозой. После того как Цзинсюань охладел к Юнь Мо, Цзи Чэньси подстроила всё так, чтобы Юнь Мо сам столкнулся с ней в пруд, и именно в этот момент их застал император. Так и началась та сцена, которую застал Линь Му, когда только очнулся в этом теле.

В оригинальной истории Цзи Чэньси ещё не раз подставляла его. Император Цзинсюань, поначалу испытывавший угрызения совести из-за дела с премьер-министром, под напором постоянных наветов в конце концов сослал Юнь Мо в Холодный дворец, где тот в итоге был замучен до смерти слугами, подосланными Цзи Чэньси.

Изучив сюжет, Линь Му принялся обдумывать план действий. В этот раз он был в теле наложницы императора, и чтобы выполнить задание, нужно было действовать через самого Цзинсюаня. В заднем дворце милость императора — самое мощное оружие. Однако, если уж мучить главного героя, то не физически, а душевно: в конце концов, раны на сердце порой куда болезненнее, чем на теле.

К тому же он не знал, последовал ли за ним его любимый и где он сейчас находится. Если его нет во дворце, придётся искать способы выбраться наружу.

Потирая всё ещё саднившую щеку, Линь Му поднялся и подошёл к бронзовому зеркалу. Раз уж он решил влюбить в себя Цзинсюаня, внешность была крайне важна. Увидев нечёткое отражение, Линь Му удивился.

Он полагал, что, судя по характеру прежнего владельца тела, тот должен был быть наивным и миловидным, но никак не ожидал увидеть этот холодный, почти неземной облик. В зеркале отразился человек в светлом халате, фигура которого казалась слегка хрупкой. Соболиные брови, взлетающие к вискам, не выглядели суровыми, а в длинных, узких глазах феникса застыли чистые, равнодушные зрачки, словно никакая мирская грязь не могла проникнуть в его взгляд. Высокая переносица, бледные губы — когда лицо было бесстрастным, он напоминал небожителя, неприступного и чистого, а слегка припухшая от удара щека лишь добавляла ему болезненной, извращённой красоты, вызывая желание сломить эту гордость и осквернить её.

Если даже такой облик не смог тронуть сердце Цзинсюаня, и тот не побоялся поднять на него руку, то неужели Цзи Чэньси — его истинная любовь, или же та женщина настолько ослепительно прекрасна? Линь Му был заинтригован.

Пока Линь Му предавался раздумьям, император Цзинсюань, Ци Цзиншэн, места себе не находил. Он и сам не понимал, что с ним происходит. По идее, он должен был оставаться с Чжао Чэнь, которая испугалась, упав в воду, но не прошло и часа, как он почувствовал невыносимое раздражение. То, что раньше казалось ему трогательным и вызывало жалость, теперь лишь злило. Под благовидным предлогом он вернулся в Императорский кабинет, но обрести покой не смог: в голове постоянно всплывали те глаза, полные обиды и недоумения. Он невольно вспоминал свою пощёчину. В гневе он приложил слишком много сил, а Шуан-эр всегда был слабого здоровья — неизвестно, как он теперь. Ему показалось, что тогда он даже

видел кровь в уголках его губ. Раздражённо походив по комнате, Ци Цзиншэн взмахнул рукавами и решил отправиться в Императорский сад, чтобы развеяться.

Сам того не замечая, он оказался у Дворца Юньхуа. Глядя на плотно закрытые ворота, он почувствовал, как раздражение лишь усилилось. Он невольно сделал несколько шагов вперёд, но внезапно ощутил странную робость. Походив взад-вперёд у входа, он в конце концов тяжело вздохнул и ушёл.

Линь Му, дремавший на кушетке, услышал подсказку Системы о том, что император несколько раз прохаживался у его дверей. Линь Му был крайне удивлён: разве Цзинсюань не ненавидит его? Он ведь ещё ничего не успел сделать, что за припадок у того случился?

Не найдя ответа, он отбросил эти мысли — как раз подошло время обеда. Линь Му поднялся, подошёл к столу и, глядя на то, как слуги небрежно расставляют скудные блюда, приподнял бровь: люди во дворце и правда оказались такими приспособленцами. Раньше многие заискивали перед хозяином, а теперь, стоило ему впасть в немилость, отношение тут же изменилось. Взглянув на оставшихся евнухов и служанок, которые даже не пытались скрыть своего неуважения, Линь Му холодно усмехнулся и с грохотом ударил палочками по столу.

— Всем на колени! — рявкнул он.

Слуги, впервые видевшие, чтобы хозяин так гневался, испугались его тона и поспешно опустились на колени, моля о пощаде.

— Ха, даже если я лишился былого влияния, я всё ещё ваш хозяин, — Линь Му обвёл холодным взглядом стоящих перед ним людей, отчего тех пробрала дрожь. — Если кто-то не хочет прислуживать — не держу. Собирайте вещи и убирайтесь прямо сейчас. А те, кто останется — не смейте больше корчить мне такие рожи. Вы что, правда думаете, что я не найду способа вас наказать?

— Кто хочет уйти — уходите сейчас же, потом такой возможности не будет.

Один из евнухов набрался смелости и ушёл, увидев, что Линь Му не реагирует. Остальные тоже потянулись к выходу, и в итоге в комнате остались лишь четверо. Линь Му скользнул по ним взглядом и безразлично спросил:

— Вы не уходите?

Юноша с губами цвета вишни и белой кожей подполз ближе, роняя слёзы:

— Господин, не прогоняйте меня. Цяньюй — ваш слуга, я пришёл с вами во дворец, и кроме как здесь, мне идти некуда.

Линь Му узнал его: это был личный слуга прежнего хозяина, тоже шуан-эр, которого тот подобрал ещё в детстве и вырастил вместе с собой.

Подняв его, Линь Му смягчил голос:

— Цяньюй, что за глупости ты говоришь? Даже если бы ты хотел уйти, я бы не позволил. Вставай.

Затем он посмотрел на троих оставшихся:

— А вы?

Две служанки и евнух поспешно заверили, что никуда не собираются. Линь Му кивнул и едва заметно улыбнулся:

— Хорошо. Отныне во Дворце Юньхуа останемся только мы. Если не предадите меня, я вас не обижу.

Трое слуг, глядя на эту светлую, словно тающий снег улыбку, замерли в изумлении. В их сердцах зародилась мысль: с таким господином у них обязательно будет будущее.

Той же ночью император Цзинсюань ворочался в своей спальне, не в силах уснуть. Стоило ему закрыть глаза, как перед ним возникал образ того человека из Дворца Юньхуа — те глаза, полные обиды, молча смотрели на него, словно обвиняя в бессердечии.

Кое-как промучившись до глубокой ночи, он в изнеможении провалился в сон. Ему привиделось, будто он блуждает в тумане, а впереди видит фигуру. Она была совсем близко, но догнать её никак не удавалось. Наконец туман рассеялся, и он радостно бросился к человеку, чтобы схватить его за руку, но обнаружил, что одежда того медленно пропитывается кровью. Человек медленно обернулся, и император встретился взглядом с теми самыми знакомыми глазами.

Ци Цзиншэн резко сел на постели, покрытый холодным потом. Сердце бешено колотилось. Почему ему приснился такой сон? Пусть говорят, что о чём думаешь днём, то и снится ночью, но почему он увидел его в крови? Нет, этого не может быть, это всего лишь сон. Да, просто сон, не стоит принимать его всерьёз.

Он пытался успокоить бешено бьющееся сердце, повторяя себе, что это неправда. Позвав главного евнуха Линь Аня и узнав, что во Дворце Юньхуа всё спокойно, он немного успокоился, но уснуть до самого рассвета так и не смог.

Несколько дней подряд Линь Му слышал от Системы, что Цзинсюань кружит вокруг Дворца Юньхуа, но так и не решается войти. Линь Му находил это странным, но решил, что пора

начинать действовать.

Сегодня был праздник середины осени, восьмой день восьмого месяца. Семьи собирались вместе, а во дворце устроили пышный банкет. Танцовщицы и музыканты старались изо всех сил, в главном зале гремела музыка. Однако Ци Цзиншэн, сидевший на троне, не испытывал никакого интереса к зрелищу. Оглядев зал, он увидел придворных и наложниц, но не обнаружил того, о ком думал последние дни.

Он ведь снял запрет на выход из дворца с Чжао Юнь, но тот прислал известие о болезни и не пришёл. Император невольно начал гадать, действительно ли он болен, звал ли лекаря. Чем больше он думал, тем больше тревожился, и танцы внизу начали его раздражать. Отдав пару распоряжений, он в сердцах ушёл.

Отослав слуг, Ци Цзиншэн поспешил ко Дворцу Юньхуа, но, приблизившись, замедлил шаг. Будучи императором, он не знал, как взглянуть в глаза человеку, которого сам же и ранил.

Ворота дворца, которые раньше были заперты, теперь оказались распахнуты, и от входа открывался вид на запустение внутри. Ци Цзиншэн нахмурился: чем занимаются эти слуги, почему ничего не привели в порядок? Поколебавшись у входа, он всё же вошёл.

Самым заметным в саду было огромное древнее дерево — лавр. Из-за старости он давно перестал цвести, остались лишь мощный ствол и голые ветви. Цзинсюань хотел было отвести взгляд, но заметил на дереве белый силуэт, и сердце его пропустило удар.

Свет был тусклым, но при лунном сиянии можно было разглядеть человека. Он сидел высоко на ветке, одетый лишь в тонкое белое нижнее бельё, а чёрные волосы свободно рассыпались по плечам. Он слегка запрокинул голову, глядя на полную луну. Даже не видя лица, можно было почувствовать исходящую от него тоску и печаль. Вечерний ветер шевелил его волосы и полы одеяния, подчёркивая хрупкость тонкого тела. Белые одежды развевались, и казалось, он вот-вот превратится в духа и улетит.

Цзинсюань на мгновение запаниковал, невольно сделав шаг вперёд, и дерево отозвалось тихим шорохом. Человек на дереве, словно испугавшись, посмотрел вниз. Увидев императора, он явно вздрогнул и, потеряв равновесие, сорвался вниз. У Цзинсюэна от ужаса кровь застыла в жилах, он, не раздумывая, бросился вперёд и подхватил его.

Обняв это мягкое тело, Цзинсюань почувствовал, будто держит в руках целый мир. Но тут же его поразило, насколько лёгким был человек в его руках — как он вообще питался в последнее время?

Заметив, что тот одет лишь в нижнее бельё и простужается на ветру, да ещё и полез на такое высокое дерево, он, охваченный тревогой и гневом, выпалил:

— Глубокая ночь на дворе, делать тебе нечего, на такую высоту лезть?!

Едва сказав это, Цзинсюань пожалел: он увидел, как лицо человека в его руках мгновенно побледнело. Он хотел было сказать что-то ласковое, но тот с силой вырвался из его объятий и опустился на колени прямо на землю.

Звук удара о камни в ночной тишине прозвучал особенно громко, больно отозвавшись в сердце Цзинсюэна. Человек холодно произнёс:

— Чэньце (ваша покорная слуга) виноват, прошу Ваше Величество наказать меня.

— Ты! — холодное отношение разозлило Цзинсюэна, но следом нахлынули разочарование и раскаяние. Его Мо-эр раньше всегда встречал его с сияющей улыбкой, а теперь стал таким. Это всё его вина: он лишил семью Мо-эра статуса, опасаясь их влияния, он использовал Мо-эра как живой щит для других, он даже ударил его, когда того оклеветали. Это он довёл его до такого состояния, он получил по заслугам.

Цзинсюань выглядел совершенно подавленным и бессильно махнул рукой:

— Ладно, я не виню тебя, вставай.

Видя, что тот продолжает стоять на коленях, он вздохнул:

— Я ухожу. Не мучай своё тело.

Он ушёл, чувствуя себя опустошённым. У самых ворот он обернулся и, увидев, что тот всё же встал, почувствовал облегчение и вернулся в свои покои.

На следующее утро, вернувшись после утреннего заседания, Цзинсюань услышал шум у дверей кабинета. Настроение и так было скверным, поэтому он, нахмурившись, подошёл к дверям:

— Что происходит? Как вы смеете шуметь у входа в кабинет?!

Стражники в ужасе попадали на колени, а тот самый юноша, который шумел, склонился в поклоне, заливаясь слезами:

— Ваше Величество, умоляю, спасите моего господина!

Цзинсюань узнал личного слугу Юнь Мо и побледнел:

— Что случилось? Что с твоим господином?

Юноша, всхлипывая, проговорил:

— Господин вчера простудился, а к ночи у него начался сильный жар. Я звал лекарей, но они все ссылались на занятость. А сегодня утром господин потерял сознание, я не знал, что делать, поэтому пришёл к вам. Умоляю, спасите его!

Цзинсюань уже не слышал, что тот говорил дальше. В голове была пустота, он думал лишь о том, что его Мо-эр болен, тяжело болен, и что он может... Паника охватила его, он приказал Линь Аню немедленно найти лекаря и сам бросился во Дворец Юньхуа.

Запахавшись, он остановился у дверей спальни, не решаясь войти. Он боялся увидеть то, чего больше всего на свете не хотел видеть.

Наконец тревога взяла верх, и Цзинсюань толкнул дверь. Внутри было скромно, за жемчужной занавеской едва угадывался силуэт на кровати.

Откинув занавесь, он увидел того, кто ещё вчера был жив и здоров, а теперь лежал неподвижно, с лицом цвета золотой бумаги, едва дыша. Цзинсюань не сводил глаз с человека на кровати, боясь, что стоит ему моргнуть, как тот исчезнет.

Он медленно опустился на край кровати, его большая рука дрожала, когда он хотел коснуться щеки, но боялся получить ответ, которого так страшился. Лишь когда кончики пальцев ощутили тепло, Цзинсюань почувствовал, что готов заплакать: его Мо-эр всё ещё здесь, он не покинул его.

В этот момент никакие угрызения совести или раскаяние не могли сравниться с этим крошечным доказательством того, что любимый человек всё ещё жив.

Когда Линь Ань привел лекаря, он увидел, что император сидит у кровати, словно изваяние, не сводя глаз с Чжаою Юнь. Не оборачиваясь, он лишь велел лекарю подойти. Его хриплый голос напугал Линь Аня. Вспомнив, как император каждый день кружил вокруг этого дворца, он понял: император и правда привязался.

Лекарем оказался Ван, лучший специалист в Императорской лечебнице. Получив приказ, он поспешил проверить пульс.

Цзинсюань смотрел на это запястье — под почти прозрачной кожей виднелись бледно-голубые вены, такие тонкие и хрупкие, что казалось, одно неосторожное движение — и они сломаются. В сердце рождалась невыносимая боль, заполняя грудь.

Прошло много времени, а лекарь молчал. Цзинсюань увидел, как Ван всё сильнее хмурится, и сердце его ёкнуло. Даже лучший лекарь в такой растерянности... Неужели... Нет, этого не может быть!

— Мо-эр... что с ним? — голос дрожал от напряжения.

Лекарь Ван тяжело вздохнул и, поклонившись, ответил:

— Состояние Чжаою Юнь плачевное. Похоже, в последнее время он плохо ел и спал, его организм истощён. А вчерашний жар без должного лечения... боюсь, это привело к повреждению мозга. Я могу с помощью иглоукалывания поддержать его жизнь, но не могу обещать, когда он очнётся. И даже если очнётся, боюсь, его будут мучить головные боли.

— Как... как же так?! — раскаяние и боль захлестнули его. Он был готов сам себя растерзать. Почему он вчера ушёл? Почему из-за своей нерешительности и страха он медлил? Если бы он был настойчивее, если бы остался... разве Мо-эр был бы сейчас таким?

Он отрешённо наблюдал, как лекарь ставит иглы, выписывает лекарства, и лишь когда Линь Ань принёс чашу с отваром, Цзинсюань пришел в себя.

Он осторожно приподнял человека, уложив его на себя, и тщательно укутал одеялом. Взяв чашу, он остужал ложку за ложкой, осторожно вливая лекарство в плотно сжатые губы. Если жидкость вытекала, он тщательно вытирал уголки рта платком. Несмотря на то, что большая часть проливалась, он без устали продолжал кормить его.

Весь день Цзинсюань просидел там, не сводя глаз с Мо-эра. Каждый взгляд причинял ему новую боль, но он словно занимался самобичеванием, не в силах отвернуться.

В последующие дни император словно вернулся к нормальной жизни, но всё время, кроме утренних заседаний, проводил во Дворце Юньхуа. Он наказал всех слуг, покинувших дворец, и тех лекарей, что отказались прийти, а также запретил всем наложницам выходить из их покоев, что повергло задний дворец в панику.

Пять дней спустя Линь Му очнулся глубокой ночью. Глядя на мужчину, который спал в изголовье кровати, измученного, с тёмными кругами под глазами, Линь Му испытал сложные чувства.

В эти дни он был в забытьи из-за лекарств Системы, но сознание ощущало всё происходящее. Он видел поведение Цзинсюаня в тот день и мог догадаться о том, что было после. Почему Цзинсюань, который раньше ненавидел прежнего хозяина, вдруг так изменился? Почему он начал так переживать? Линь Му ломал голову над этим, подсознательно отбрасывая самый очевидный вариант.

Ци Цзиншэн снова беспокойно проснулся. По привычке он посмотрел на кровать и увидел, что тот, кто спал несколько дней, смотрит прямо на него. Он обрадовался, но тут же вздохнул:

— Опять сон...

Он закрыл глаза, но через секунду снова открыл их. Человек всё ещё смотрел на него — не

спящий, а бодрствующий! В восторге он, забыв, что на дворе ночь, громко позвал лекарей.

— Мо-эр, ты очнулся! Слава небесам, ты очнулся! Как хорошо... — Цзинсюань был вне себя от счастья. Он крепко сжимал руку Линь Му, поднося её к губам и покрывая поцелуями.

Поддавшись его настроению, Линь Му тоже почувствовал радость и слегка улыбнулся. Цзинсюань замер: его Мо-эр улыбнулся ему! Спустя столько времени он снова увидел эту улыбку. Он был готов заплакать от счастья, выглядя при этом как последний дурак.

Лекаря Вана подняли среди ночи, испугавшись, что состояние ухудшилось, но, увидев, что пациент очнулся, он облегчённо вздохнул. Все видели состояние императора в последние дни — если бы Юнь Мо не очнулся, император мог бы и сам слечь. Тщательно проверив пульс, он с улыбкой кивнул:

— Опасности больше нет. Я выпишу ещё лекарства для восстановления. Главное — избегать переутомления и лишних мыслей, иначе будут мучить головные боли, — затем, вздохнув, он добавил: — Чжао Юнь — человек удачливый, берегите себя.

Линь Му с лёгким удивлением взглянул на старика с седой головой и поблагодарил:

— Благодарю вас, господин Ван, я буду осторожен.

Когда лекарь ушёл, слуги тоже удалились. Линь Му посмотрел на измученное лицо мужчины рядом и, не выдержав, мягко сказал:

— Ваше Величество, мне уже лучше. Вам стоит пойти отдохнуть.

— Не называй меня Ваше Величество, зови меня Цзышэн. Так меня звала мать, — Цзинсюань был недоволен холодным обращением. Он прильнул к тыльной стороне ладони Линь Му и искренне посмотрел на него: — И впредь не соблюдай при мне эти дворцовые правила. Мой Мо-эр должен делать всё, что пожелает. Если что-то случится — я поддержу тебя.

Линь Му был в шоке. Где же тот мудрый правитель? Эти слова звучали как признание безумного тирана, ослеплённого страстью. Однако ему и правда не хотелось соблюдать эти правила, поэтому он согласился:

— Хорошо... Цзышэн, может, тебе всё же стоит пойти отдохнуть?

Мужчина тут же обнаглел и, изобразив обиду, проговорил:

— Мо-эр, ты так хочешь, чтобы я ушёл? Но я волнуюсь за тебя и хочу быть рядом. Не бойся, я не буду мешать.

<http://bllate.org/book/22150/2307488>